

УДК 821.161.1 (575.2)(04)

ЛИРИЧЕСКАЯ ПРОЗА В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КЫРГЫЗСТАНА

Л.В. Иванова

Анализируется лирическая повесть поэта С. Сусловой “Предрасветный полет стрекозы” как заметное явление в современной русской литературе Кыргызстана.

Ключевые слова: двойник; лирическая проза; герой; прототип; поток ассоциаций; проза поэта; метафорическая образность; русский мир.

В современной русской литературе развивается документально-эссеистское направление, жанровыми формами которого становятся не только мемуары, дневники, но и лирическая проза. Поднимая проблему самоопределения личности, лирическая проза объединяет произведения эмоционально насыщенные, пронизанные авторскими чувствами. В ней, как известно, на первый план выдвигается личность рассказчика, преобладает настроение, эмоциональный тон и страстное желание осознать себя как личность в потоке времени. В истории русской литературы XX в. можно выделить несколько периодов активизации лирического фактора в прозаической словесности. В начале века – это, например, творчество И. Бунина, Б. Зайцева; в середине века – Б. Пастернака, К. Паустовского, М. Пришвина, О. Берггольц, В. Солоухина, в конце века – произведения А. Варламова, М. Тартаковского, П. Санаева, Л. Милляр и др. Ярче всего лирическая проза проявила себя в так называемой “прозе поэтов”, ибо именно поэтический дар и опыт дает возможность автору тонко и эмоционально глубоко ощущать окружающий мир и выражать в металогической речи представление о времени, о людях и о себе через жизнь своей души, обобщая духовный опыт своего поколения.

У многих поэтов книга их лирической прозы становится Главной книгой, пишется в течение всей жизни и, как считала О. Берггольц, всегда черновик, потому что, пока жив автор, она находится в вечном движении, это путь его совести, становление его сознания. О. Берггольц принадлежала к поколению советских писателей, и ее авторское “я” сконцентрировано в выражении: “...меня – отдельно – вовсе и нет на земле...” [1, с. 14]. Такая форма лирического самовыражения основывается на историко-социальном

материале. В наши дни акцент смещается в сторону осмысления индивидуального микромира обычного человека, чья личность раскрывается в тесной связи с клеточной, генной памятью, с культурными истоками, которые в когнитивной поэтике определяются концептами: Память, Родина, Дом, Семья и др.

Русская литература Кыргызстана, которая является частью русской культуры, русского мира на инациональной территории более восьмидесяти лет, развивалась в тесной связи с тенденциями общесоюзного литературного процесса, и в постсоветский период, в годы обретения Кыргызской Республикой государственного суверенитета, продолжает выражать свою этнокультурную идентичность в других социально-политических условиях. Поколение русскоязычных писателей Кыргызстана 70-х гг. в настоящий момент занимает важное место в упрочении позиций русского языка, отличается особой творческой активностью. На рубеже XX – XXI в. были опубликованы новые поэтические сборники С. Сусловой, А. Никитенко, В. Шаповалова, А. Зарифьяна, а также вышли книги художественной, художественно-документальной, исторической прозы А. Иванова, А. Газиева, А. фон Бека и др.

Одними из первых в современный период в жанре лирической прозы выступили А. Иванов и С. Сулова. Книги “Чужой крест” и “Предрасветный полет стрекозы” вызвали большой интерес у литературно-критической общественности республики. Но если для А. Иванова, признанного мастера прозаического слова в Киргизии, главного редактора русского литературно-критического журнала “Литературный Кыргызстан”, повесть “Чужой крест” – это новая грань его творческих способностей, то для С. Сусловой – это попытка раскрыть свой талант в новом виде творчества

в жанре элогиума, основанного на монтаже стиха и прозы. В структуру повести, написанной в форме лирической исповеди главной героини Славки Брагиной, вплетены стихи, записанные “в растяжку” (в них графически не выделены стихотворные ряды) из ее “погаенной тетради”.

Выиграв литературный конкурс в 1997 г., героиня повести получает возможность двухмесячного творчества в США в писательской колонии Ledig House. В этом “американском Болдино” она не ощущает прилива поэтического вдохновения, и чувство одиночества становится причиной возникновения потока ассоциативных воспоминаний: *“Эта... поездка в самую соблазнительную страну планеты обернулась для нее томительным и тревожным путешествием по времени”* [2, с. 14]. Путешествие, “бродяжничество” по времени – один структурообразующий стержень лирической повести, а другой связан с интерпретацией способа выражения авторского сознания и так представлен в стихотворных строках: *“...Перекрещиваются в мозгу, словно линии на ладони, словно лилии в старом затоне, словно тропы на талом снегу, судьбы разных людей – всех, чей пульс ощущаю в жилах ... Сколько раз мы на свете жили? Где бродили? Рождались где? Многоликое “я” в глубинах безымянной моей души. Прорастают виденья былью, как могилы – ростками ржи. Оживают во мне в печали вдовы юные, дети их... И кричит из меня ночами недосказанный кем-то стих...”* [2, с. 28].

Повесть насыщена событиями и персонажами, которые как бы растворяются в потоке авторских ассоциаций. Лирические отступления в форме видений, снов помещаются во внутрь повествующего сознания, оформляются им в законченное повествование, а это классические признаки лирической прозы.

Многоликое “я” воплощается не только в образе Славки, наделенной паранормальными способностями видеть пророческие сны, предугадывать трагическое в жизни окружающих ее людей, но и в ее реинкорнированном из далекого прошлого двойнике – Весте. И хотя автор заявляет, что “все совпадения случайны, а герои вымышлены”, читатель начинает в этом сомневаться. Единственное объяснение этому нагромождению иррационального можно найти только в творческих способностях главной героини. Она не такая, как все, а человек, с генетической способностью творить. Истоки творчества – это и дар свыше, и приобретенная, воспитанная в себе интуиция. Автор попыталась связать жизнь своих героинь с астрологическими знака-

ми человеческой судьбы. И первое объяснение удивительных способностей Славки – это то, что родилась она под покровительством славянского бога Рода и поэтому наделена тайным знанием бессознательного в психике окружающих людей.

Существование главной героини в двух измерениях можно считать литературным приемом, попыткой объяснить ее развитую интуицию и близость с любимым человеком, который вошел в ее жизнь после неоднократных поисков личного счастья. Поэтому в повести Веста – это извечное женское начало, а Олег – “родственная душа, часть целого, высшего “я”, настоящее воплощение Ярослава, который был ее спасителем и учителем в другой жизни: *“Мой единственный – друг мой верный, самый пристальный взгляд извне, самый близкий, как кровь по венам – неизбывно живешь во мне. Для тебя – и пою, и плачу, и от радости быть смеюсь ... Если что-то я в мире значу – для тебя только значу пусть! Я срослась и душой и телом, кровью, болью, мечтой любой, каждой радостью, взглядом, делом, – может, это и есть Любовь?...”* [2, с. 78-79].

Женское начало, женская тонкая интуиция, развитое воображение, испытания в семейной жизни героини С.Сусловой сочетаются с глубоким изучением и восприятием различных религиозных философий, в том числе и философии суфистов. Автор переносит своего читателя, нарушая хронологию повествования, в 2002 г. на Международный симпозиум и фестиваль Шашмак-2002 в Исфаре. Славка переводит Омара Хаяма и невольно увлекается суфийской философией. Слова Хафиза: “Жизнь вошла в человеческое тело с помощью музыки, но истина заключается в том, что жизнь сама есть музыка”, – начинают ее рассказ о том, как участники фестиваля восприняли ее доклад и ответы на заданные “учеными мужами” вопросы. Пытаясь интуитивно слушать музыку Молчания в Вечности, Славка приходит к выводу о том, что поэт – инструмент в руках Создателя и то, что он порождает – песня, исполняемая небесным Музыкантом, слышимая внутри его бытия” [2, с. 218]. Суфии считали, что слушать небесную музыку могут только те, кто духовно к ней подготовлен, кто ускользнул от ловушек материального мира. Первыми среди этих слушателей являются поэты, это они испытывают страсть высшего накала (маком), ступень духовного совершенства, приближения человека к Божеству.

Размышления героини повести об изначальном доме в духовной памяти человека пол-

ны вопросов: “Изначальный дом – родительское гнездо? Родовая память? Другое измерение? Пространство времени? Космос?” [2, с. 222], и перечень этих вопросов продолжен в поэтических строках: “... *Восходит в сердце мак. Нестойкий – знаешь, скоро он облетит – и все, и с ним сгорит судьба. Но нет его милей. Он аленький и нежный, он шелком лепестков ласкает каждый миг... Так что такое Жизнь? Наживка из надежды? А может быть, – огонь? Иль памяти тайник?...*” [2, с. 223].

“Жизнь каждого человека – это тайник памяти”. Афористическая фраза из повести объясняет перемещение Славки из настоящего, встреч на американской земле, в прошлое и даже в будущее и порождает недоверие читателя к информации в аннотации к книге о том, что повесть была написана тринадцать лет назад в деревенской глуши захолустного американского городка Хадсон. Очевидно, что это тоже прием, игра, которую ведет автор со своими читателями.

И все-таки самое ценное в лирической повести С. Сусловой “Предрассветный полет стрекозы” – это знаки уже ушедшего в историю времени, а именно те воспоминания Славки, в которых она представляет себя как часть русской интеллигенции, для которой киргизская земля стала Родиной. Семья героини переехала в Киргизию, когда Славка и ее сестра Яна были совсем маленькими, из далекой Читы. Картины детства, возникающие в Славкиной памяти, связаны уже с новым местом жительства: “... *это бесконечная радость открытий, это сирень над камышовой крышей, поросшей алыми маками, это огромные ароматные яблоки, которые дарил ей на каждый день рождения – количеством по числу лет, это веселые студенческие “спевки” родителей...*” [2, с. 8], это и февральское цветение урюка, и плеск синего-синего Иссык-Куля, и вершины высоких гор, с которых никогда не сходят белоснежные снега, и кумыс, вылечивший ее отца от туберкулеза, и золотые медовые персики. Чувственные ощущения – не главное в ее воспоминаниях. Это и вернувшаяся из сталинских лагерей, сосланная туда по ошибке вместо однофамилицы бабушка, это и “кроличья эпопея” – одна из попыток бабушки решить продовольственную проблему семьи и многое другое, понятное и близкое читателю-кыргызстанцу. “Золотые часы детства”, так названа одна из глав книги. С. Сулова известна как мастер оригинальной метафорической образности, и название, с одной стороны, – метафора, а с другой, – история несправедливого обвинения в том, что Славка испортила единственную

дорогую вещь в доме, якобы натерев ее ртутной бархоткой: “*Золотые часы детства! Нестойкая позолота радостей, сусальное золото надежд, поддельная драгоценность идеалов под все разъедающей ртутью Времени!..*” [2, с. 50]. Именно эти испорченные часики мать бережно достала из “заветной” шкапулки и протянула Славке много лет спустя со словами: “*Возьми с собой в Америку. Они дорогие, в случае чего их можно продать...*” [2, с. 50]. Первые прочитанные книги, курьезные ситуации в школе, интернационализм “*ворошиловской слободки*”, “*саманомания*” и бабушкин сарай и вот, наконец, кирпичный домик – первая собственность Славкиных родителей. Ничего не придумано и в описаниях студенческой жизни и в функционировании литературного объединения “Рубикон”, жаль только, что по закону жанра не названы подлинные фамилии его организаторов.

С. Сулова отдала Славке свою личную жизнь, семейные перипетии, проблемы с воспитанием сыновей. Всех, кто ей дорог и кого она любит по-настоящему, автор переносит и в другое измерение, пытается определить тайные знаки в их судьбе. Так что двойничество можно отчасти объяснить эмоциональным тоном переживаний героини. Читательскую симпатию вызывают эпизоды, связанные с описанием будней редакции русского литературного журнала и с описаниями Большого Дома известного киргизского поэта, которого и дети, и взрослые называли одинаково – Ата.

Героиня повести не идеальна, как и ее прототип. В поисках личного счастья она совершает ошибки, т.е. в ее судьбе запланированы Создателем и испытания, которые она выносит не всегда достойно, впадая в уныние, тоску.

Славке противопоказано одиночество, потому что, вслушиваясь в себя, она открывает в себе новые необычные способности. Так, ее вдруг пронзила догадка, что она инпат: “*Одно время в своих ночных медитациях Славка научилась заглядывать в души разных людей, поражающие ее своей непохожестью друг на друга... Страшно было в таких путешествиях попасть в мир лживой и алчной души: это была засасывающая зловонная ржавая тряпина...*” [2, с. 138]. А однажды она заглянула в душу строгого и суховатого главного редактора и попала в свое далекое еще будущее, полное нежности и любви.

Время перестройки совпало и с перестройкой в личной жизни героини повести: “Нурлан был охвачен витающей в воздухе идеей “национального самоопределения”. Славку он во время ссор называл не иначе, как “русская оккупант-

ка”. Славка писала в отчаянии: *“Предчувствие беды – везде, во всем. В янтарной ложке меда есть изъянец, как в яблоке сквозь чисто-алый глянец следы жильцов, берущих плод знаем... Такой же червоточинке сродни мое почти дочернее признание: – О, Родина, спаси и сохрани моей любви поверженное знамя!. Отчизна равнодушная с утра, как милостями, осыпает снегом. Но не расстаться, знаю, с этим небом – пусть даже и попросят со двора...”* [2, с. 171].

Авторское сознание констатирует события начала 90-х гг., ставшие уже историей и свидетельствовавшие о развале страны: межнациональные распри в Карабахе, погромы в Баку и Сумгаите, свинцовые гробы из Афганистана, Ошские события. В этой тревожной констатации фактов появляется первая попытка Славки дать оценку происходящему хаосу. *“Именно эти странные и тревожные часы Славка для себя отметила как точку отсчета настоящей независимости Киргизстана. Отнесаясь весьма легкомысленно к театрализованным выборам и первого президента и парламента, еще живя по старым законам умирающего государства, кыргызстанцы именно в эти напряженные часы вдруг поняли, что не хотят возвращаться в столь недавнее прошлое – в диктатуру одной “непогрешимой” партии, к насильственному “единомыслию”, к вечному страху перед все тем же, замаячившим вдруг на горизонте ГУЛАГом... В этот момент все население страны стало “невозвращенцами”* [2, с. 185].

Трудным стало положение единственного литературного журнала, выходявшего на русском языке. Как сотрудник журнала Славка не раз становилась свидетелем такого мнения государственных чиновников, говорящих теперь только на киргизском языке: *“Зачем нашей республике русский журнал?”*. В этих словах слышалось страшное – они вычеркивали из списка граждан республики всех русских людей, расселившихся за 70 лет по национальным окраинам и пустивших там основательные корни. Славка с горечью писала: *“...Уезжают товарищи наши, друг за другом, как листья летят. Уезжают Валеры и Саши, чтоб уже не вернуться назад. Знаю, вспомним: живут они там-то... Но разлука навеки – как смерть. Азиаты России, мутанты... Попрощаться бы наспех успеть! Первых мы провожали гурьбою, а теперь – на ходу не всегда... Каждый третий становится лишним, если делит жулье каравай: поделили отчизну на части между теми, кто свой и не свой. Все бывшее мерещится счастьем по сравнению с новой бедой...”* [2, с. 189–187].

Сочетание времен используется С. Сусловой практически в каждой главе. В одних главах это художественно оправдано, в других надумано и хаотично. Так, в последней, завершающей книгу лирической прозы главе “Сны о будущем”, “бродяжничество по времени” становится уже авторским озорством. Славка отправляется в Зазеркалье, где встречается с персонажами своего иррационального мира и пытается у них узнать главный смысл своих загадочных и пророческих снов. А все оказывается так просто: *“Божественная монада расплескивается на тысячи капель, которые постепенно – через любовь – собираются в одно целое. Уже с приобретенным опытом жизни в разных измерениях... Высшее “Я” – это многомерная сущность* [2, с. 233]. Героиня С.Сусловой узнает о том, что она может теперь всегда приходить в эту тайную комнату и видеть свои сны не только о прошлом, но и о будущем. *“Ключ к перемещению в будущее: мысль следует за вниманием, внимание следует за намерением... – Так пишутся стихи... – Да. Внимательно вспоминай свои стихи – и прошлые, и будущие, ты уже все записала в них...”* [2, с. 235]. Интересно, как это можно вспоминать будущие стихи? Загадка! Отгадки вы не найдете и будете мучиться до окончания повести. Но вот у автора появилась возможность закончить книгу, завершив ее основную фабулу – Славка заказывает билет домой и прощальным взглядом окидывает свою американскую светелку: *“...Уже не здесь, уже в пути – домой!.. Из благодатных, золотых, медовых прекрасных мест... Мне этот край – чуждой, как языка непознанного слово, что, вроде и дается, да на вкус – пусть мое прекрасное – невкусно... Домой!... Отныне Млечную тропу я вижу только взлетной полосой из всех миров – в родимую судьбу, что жизнью не кончается одною...”* [2, с. 357].

Но не все так просто, дорогой читатель, тебя еще ждут не менее интересные эпизоды, описывающие Славкино будущее, ставшее, к сожалению, нашим с вами настоящим: будут революции, ночные погромы, разъяренная толпа будет осаждать Белый Дом, будет пахнуть “черемухой”, будут свистеть пули и т.д. Но “всем Славкиным существом владеет огромная бескрайняя любовь к своим близким, к землякам, к их судьбе, ко всей своей родной несчастной Азии: *“...Азия моя быстроглазая! Ярость дней, бесчинство ночей... Навсегда люблю тебя, Азия, хоть совсем не знаю – зачем...”*. И это прекрасно, что в душе у автора этой лирической повести все-таки на одном из первых мест – любовь к Родине, не “второй

родине”, а единственной: “...Две родины, два края, два гнезда?.. Еще такая осень золотая. Но манит в путь нездешняя звезда, и стаи улетают, улетают... Зачем вы, птицы бедные, во мгле кочуете с тревогой бесконечной? Двух родин не бывает на земле, как не бывает молодости вечной...” [2, с. 110].

Вне всякого сомнения, лирическая повесть С. Суловой “Предрасветный полет стрекозы” – заметное явление современной русской литературы Кыргызстана, и далеко не исчерпана в этой

ее интерпретации. Однако на настоящий момент эту повесть можно считать Главной книгой автора, а Главная книга постоянно находится в движении, пишется ее автором всю жизнь, и всегда остается черновиком.

Литература

1. *Берггольц О.* Дневные звезды. Говорит Ленинград. М., 1990.
2. *Сулова С.Г.* Предрасветный полет стрекозы: Повесть. Бишкек, 2010.